
Философская значимость исследований свободы воли в нейронауке на примере интерпретаций экспериментов Б. Либета*

© 2020 г. М.А. Секацкая

*Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, 199034, Менделеевская линия, д. 5.*

E-mail: maria.sekatskaya@gmail.com

Поступила 25.01.2019

В статье анализируется значение экспериментов Б. Либета для исследования проблемы свободы воли в современной аналитической философии. Кратко излагаются эксперименты Либета, направленные на выявление момента осознания агентом принятия осознанного решения об осуществлении произвольного движения. Рассматриваются аргументы, на основании которых Либет заключает, что полученные им экспериментальные данные свидетельствуют о невозможности сознательной инициации волевых актов. Анализируется предложенный Либетом механизм «вето»: постулируемая способность агента сознательно вмешаться в бессознательно инициированный нейрональный процесс, ведущий к осуществлению действия. Рассматривается критика этих выводов Д. Деннетом и демонстрируется связь этой критики с теорией сознания Деннета. Показывается, что критика Деннета основывается на отрицании «картезианского материализма» и представления о возможности однозначного разделения нейрональных процессов на сознательные и бессознательные. Приводится критика выводов Либета А. Миле и другими авторами, придерживающимися традиционных представлений о природе сознания и интенциональности. Демонстрируется, что эта критика имеет не концептуальный, а технический характер. Критики указывают, что эксперименты Либета не демонстрируют, что долгосрочные интенции являются бессознательными, потому что фиксация долгосрочных интенций используемыми Либетом экспериментальными методами невозможна. В статье показана важность экспериментов Либета для современных философских теорий свободы воли, сознания и интенциональности. Основной вывод статьи заключается в том, что экспериментальные данные Либета не обосновывают ту интерпретацию, которую предлагает сам Либет, но ставят новые вопросы перед натуралистическими теориями сознания, интенциональности и свободы воли.

Ключевые слова: свобода воли, сознательный контроль произвольных действий, нейронаука, Б. Либет.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-7-113-123

Цитирование: *Секацкая М.А.* Философская значимость исследований свободы воли в нейронауке на примере интерпретаций экспериментов Б. Либета // Вопросы философии. 2020. № 7. С. 113–123.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00222).

The philosophical significance of Benjamin Libet's free will experiments*

© 2020 Maria A. Sekatskaya

*Institute of Philosophy, St-Petersburg State University,
5, Mendeleevskaya Liniya, St. Petersburg, 199034, Russian Federation.*

E-mail: maria.sekatskaya@gmail.com

Received 25.01.2019

The article shows the significance of Benjamin Libet's experiments for the work on the free will problem in contemporary analytic philosophy. I analyze the experiments by Libet et al., supposedly demonstrating how to establish the moment when an agent consciously decides to perform a voluntary movement. I consider the arguments Libet gives for the conclusion that his experimental data demonstrates that conscious initiation of voluntary acts is impossible. I analyze Libet's "veto" mechanism: an agent's putative ability to consciously "veto", or block, an unconsciously initiated neuronal process leading to an action. I review Daniel Dennett's criticism of Libet's conclusions and show how this criticism is based on Dennett's own theory of consciousness. Namely, Dennett's criticism assumes the rejection of "Cartesian materialism", or the presupposition that all neuronal processes can be non-arbitrarily divided into conscious and unconscious processes. I review Alfred Mele's and other authors' criticism of Libet's conclusions. I show that these authors presuppose a traditional approach to consciousness and intentionality, and that the criticism they make is granting that Libet's understanding of the free will problem is largely correct. The criticism is empirical, not conceptual: the critics claim that Libet's experiments don't prove that distal intentions are unconscious, because Libet's experimental methods are not applicable to measuring distal intentions. Finally, I argue that Libet's experiments are very important for making progress in contemporary philosophical discussions of free will, consciousness and intentionality. The main conclusion of my article is that Libet's experimental data do not justify the interpretation that Libet gives, but still present new challenges for the naturalistic theories of consciousness, intentionality and free will.

Keywords: free will, conscious control of voluntary actions, neuroscience, Benjamin Libet.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-7-113-123

Citation: Sekatskaya, Maria A. (2020) "The philosophical significance of Benjamin Libet's free will experiments", *Voprosy Filosofii*, vol. 7 (2020), pp. 113-123.

Вопрос о существовании и сущности свободы воли традиционно считался не допускающим эмпирического рассмотрения. Из всех областей знания, помимо философии, к научному рассмотрению этого вопроса ближе всего предметная область психологии, но для эмпирической психологии, долгое время находившейся под влиянием бихевиоризма, само понятие о свободе воли было антинаучным. Странники психоанализа или экзистенциальной философии могли высказывать те или иные взгляды

* Research has been conducted with financial support from Russian Science Foundation grant (project No. 18-18-00222).

на данную проблему, но их аргументация носила концептуальный характер и не допускала эмпирической проверки. Перспектива обнаружения объективных и достоверных данных о наличии или отсутствии свободы воли казалась, в лучшем случае, весьма отдаленной.

Ситуация изменилась в предпоследней декаде прошлого столетия. Пионерским исследованием свободы воли средствами когнитивной нейронауки стал эксперимент Б. Либета. В этом эксперименте испытуемых просили следить за перемещением красной точки на миллисекундном циферблате. Задача испытуемых состояла в том, чтобы в какой-то момент по произвольно возникшему желанию сжать руку в кулак и при этом запомнить положение красной точки на циферблате в тот момент, когда у них возникло желание сжать кулак. Этот момент Либет именует *W*. Испытуемым давали особое указание не планировать движение заранее – наоборот, следовало позволить желанию сжать руку внезапно возникнуть в сознании. Эксперименты проводились с несколькими испытуемыми, каждый из которых осуществлял несколько серий из 40 сжатий руки и запоминаний момента *W*. После каждого сжатия руки экспериментаторы записывали сообщаемое испытуемым значение *W*. Также на записи ЭЭГ фиксировалось время появления «потенциала готовности» *RP* (readiness potential) – специфического возбуждения зон коры головного мозга, предшествующего осуществлению произвольного движения, и время фактического начала движения (определяемое по электромиограмме как время активации соответствующих мышц руки). Отсчет времени, соответственно, велся от времени активации мышцы.

Эксперимент Либета показал, что *RP* предшествует активации мышц в среднем на 550 (± 150) мс, то есть испытуемые осознают желание сжать руку в кулак приблизительно за 200 мс до того, как они ее действительно сжимают, так как момент *W*, по сообщениям испытуемых, наступает в среднем через 350 мс после того, как приборы фиксируют возникновение потенциала готовности, но за 200 мс до самого действия. Таким образом, возникновение *RP* представляет собой причину как сжатия кулака, так и осознания намерения его сжать.

Возникает вопрос: учитывая, что интервалы времени, о которых идет речь, настолько малы, что их очень сложно зафиксировать из перспективы первого лица, насколько можно быть уверенными в том, что сообщаемое испытуемыми время *W* действительно соответствует времени возникновения в их сознании этого решения воли? Либет ясно видит эту сложность: «В настоящем исследовании мы опираемся на способность испытуемых ассоциировать свое интроспективное осознание (намерения или решения осуществить движение) с визуально наблюдаемой позицией обращающейся по циферблату точки (сообщаемой позднее), то есть с ‘временем по часам’. Таким образом, следующий экспериментальный вопрос становится ключевым: есть ли какой-либо убедительный способ оценки расхождения между фактическим и сообщаемым временем (интроспективно ощущаемого испытуемым намерения осуществить движение)?» [Libet 1985, 534]. Либет полагает, что эта сложность была успешно решена при помощи ряда контрольных мер, которые позволяют утверждать, что точность сообщаемого времени достаточна для целей эксперимента:

1. Сравнение одновременных событий: экспериментальный метод Либета требует, чтобы испытуемые одновременно фиксировали, путем наблюдения за собственным сознанием и за окружающим миром, возникновение желания сжать кулак и позицию точки на циферблате. Ряд исследователей указывали, что сравнение времени осуществления одновременных, но различных событий может вести к ошибкам. Для корректировки таких ошибок Либет и коллеги ввели серию контрольных экспериментов. В этой серии применялось слабое стимулирование участка кожи через нерегулярные интервалы времени, а испытуемые должны были фиксировать и сообщать время, в которое они его ощутили – точно так же запоминая положение точки на циферблате. Время применения стимула было заранее неизвестно ни экспериментатору, ни испытуемому, но записывалось при помощи приборов. После обработки полученных данных выяснилось, что испытуемые сообщают время осознанного тактильного ощущения (*S*)

как немного предшествующее времени фактического применения стимула, что напоминает так называемый эффект «опережающего входа» (prior entry effect). Если то же самое верно относительно времени осознанного ощущения возникновения интенции совершить движение W, то интервал между началом подготовки к действию и осознанием намерения осуществить это действие не сокращается, а возрастает.

2. Интроспекция и восприятие движения: в другой серии контрольных экспериментов Либет и коллеги тестировали способность испытуемых фиксировать соотношение во времени внутреннего ощущения начала движения и позицию точки на циферблате. В точно такой же экспериментальной обстановке испытуемые должны были сообщить не момент появления у них осознанного ощущения возникновения интенции совершить движение, W, а момент, когда они фактически начали движение, M. Как выяснилось, момент M тоже негативно сдвигается во времени – испытуемые сообщают, что они начали движение чуть раньше, чем они на самом деле начали.

Либет заключает, что точности сообщаемого испытуемыми момента W можно доверять – если они и ошибаются, то, скорее, в сторону приписывания себе более раннего осознания интенции, а не более позднего. Какие выводы следуют из всего вышесказанного? Поскольку RP регулярно возникает за несколько сотен миллисекунд до осознания субъектом, что у него есть интенция осуществить какое-то действие, то, следовательно, имеющее место в мозге начало даже осознаваемых действий – бессознательно. Как пишет Либет, «мозг 'решает' инициировать, или, по крайней мере, готовится инициировать действие, прежде чем появляется осознание наличия такого решения, о котором субъект мог бы сообщить» [Libet 1985, 536]. Но какова, в таком случае, роль сознания? Является ли оно простым наблюдением за происходящим – неким феноменальным эхом когнитивных процессов? Либет полагает, что сознательный контроль может осуществляться перед тем, как мозг посылает в соответствующие мышцы финальную моторную команду к осуществлению движения: «Процессу воления, начатому бессознательно, либо будет позволено продолжиться до успешного завершения в моторном акте, либо на него будет наложено сознательное 'вето'. В случае вето, последующая фаза церебрального моторного процесса будет заблокирована, так что фактическая активация моторных нейронов, ведущих к мышцам, не произойдет» [Ibid., 537].

С точки зрения Либета, мы не можем сознательно, по собственной воле начинать какие-либо действия – они все начинаются бессознательно, но мы можем сознательно заблокировать те действия, осуществления которых не хотим. Однако времени у нас на это совсем немного: сознание должно успеть вмешаться в процесс осуществления действия за те 150 или 200 мс, которые проходят между осознанием интенции и активацией моторных нейронов. Либет полагает, что такого окна возможностей достаточно для того, что он называет «философски реальной» свободой воли и моральной ответственностью: «Понятие сознательного вето или блокады моторного исполнения специфической интенции к действию в целом согласуется с определенными религиозными и гуманистическими взглядами на этическое поведение и личную ответственность. Обычно требуют самоконтроля над приведением в исполнение своих интенций; в предлагаемых терминах это будет осуществляться путем сознательного выбора или контроля над тем, будут ли бессознательно инициированные процессы, ведущие к произвольному действию, фактически завершены. Многие этические требования, например большая часть десяти заповедей, запрещают действовать определенным способом. С другой стороны, если финальные интенции к действию возникают бессознательно, простому появлению интенции сознание не может помешать, хотя ее завершение в моторном акте может быть сознательно проконтролировано [Ibid., 539].

Работы Либета получили широкую известность среди психологов и нейрочеловеческих, вызвав в ответ множество публикаций с анализом его экспериментальных методов, с критикой или уточнением его интерпретаций, а также привели к появлению новых экспериментов, направленных на воспроизведение и уточнение полученных Либетом результатов, в том числе с применением новых технологий исследования работы мозга, которые появились в распоряжении ученых за последние три десятилетия. Однако

в философских спорах о свободе воли им было уделено значительно меньше внимания. Многие философы не считали их релевантными дискуссии о свободе воли. Тем не менее в последние годы интерес к исследованиям Либета растет как в мировой, так и в отечественной философской литературе.

В книге «Свобода эволюционирует» Деннет пишет, что поскольку осуществление любого действия требует команды, которая поступает телу от мозга, и поскольку процесс в мозге, представляющий собой данную команду, протекает в течение некоторого времени, то этот процесс должен предшествовать действию. Обычно мы осуществляем множество действий одновременно, и каждое из этих действий является результатом некоего процесса в мозге. Тем не менее в лабораторных условиях можно изолировать один процесс, например, когда в эксперименте Либета испытуемые сидят не шевелясь и осуществляют только одно движение – сжатие кулака. Причиной этого движения можно назвать потенциал готовности, начинающийся за 500–100 мс до начала движения. Деннет пересказывает экспериментальную парадигму Либета и формулирует проблему, которую видит Либет, следующим образом: «Когда вы *думаете*, что вы принимаете решение, на самом деле вы всего лишь пассивно наблюдаете нечто подобное запаздывающей внутренней видеосъемке (со зловещей 300 мс задержкой) *настоящего* решения, которое произошло *бессознательно* в вашем мозге за некоторое время до того, как вам пришло в голову сжать кулак» [Dennett 2003, 229]. По Деннету, задача, которую ставит Либет в этом эксперименте, такова: определить время, в которое вы принимаете решение. В этой задаче есть объективные данные: фактическое движение точки по циферблату и активность мозга, измеряемая при помощи ЭЭГ, но также есть и субъективные данные: время осознания решения сжать кулак и время сознательной фиксации визуального стимула. Предположим, говорит Деннет, что потенциал готовности достиг пика на 6810-й мс эксперимента, а точка на часах в момент, который вы после сообщили как момент решения, была в этой позиции на 7005-й мс. Сколько мс нужно добавить к этому времени, чтобы определить тот момент, в который вы достигли осознания этой визуальной информации? Свет, отраженный от циферблата, попадает на сетчатку практически мгновенно, после чего информация должна дойти от сетчатки до первичной зрительной коры, что занимает приблизительно 5–10 мс. Вопрос, однако, следующий: в какой момент эта информация доходит до вас, до агента, о чьей роли в принятии сознательного решения идет речь? Деннет пишет: «Визуальные сигналы должны быть обработаны, прежде чем они придут туда, куда они должны прибыть для того, чтобы вы могли вынести сознательное суждение об одновременности. Метод Либета предполагает, если коротко, что мы можем обнаружить пересечение двух траекторий:

- появление в сознании сигналов, репрезентирующих решение сжать кулак;
- появление в сознании сигналов, репрезентирующих последовательные положения точки на циферблате, таким образом, что эти два события происходят как бы в одном месте, в котором можно зафиксировать их одновременность. Поскольку Либет хочет узнать про *вас*, а не про вашу первичную зрительную кору, нужно узнать, в каком месте мозга находитесь *вы*, прежде чем данные можно будет начать интерпретировать» [Ibid., 232].

По убеждению Деннета, дать ответ на вопрос о том, где именно в мозге находитесь вы, сознательный субъект, невозможно, так как сама формулировка этого вопроса основана на неправильном понимании сущности сознания, которое Деннет называет «картезианским материализмом». Картезианские дуалисты, вслед за Декартом, предполагали, что существует некое место в мозге (по убеждению Декарта, шишковидная железа), в которое все физические процессы поступают и где они преобразуются в сознательные процессы, при этом происходит взаимодействие различных субстанций, материальной и нематериальной. Картезианский материализм отказался от представления о нематериальной душе, но сохранил саму идею единого места, где бессознательные процессы становятся сознательными. Деннет называет это место «Картезианским театром» и посвящает значительную часть своих работ его критике. Именно

представление о Картезианском театре и лежит в основе экспериментальной парадигмы Либета – если есть место, где бессознательные процессы становятся сознательными, то можно определить, предшествует ли механический процесс, лежащий в основе решения воли, осознанию агентом этого решения или они происходят одновременно. Тогда можно определить, принимает ли агент решение сознательно и, следовательно, свободно или всего лишь бессильно наблюдает за сценой Картезианского театра, на которой бессознательные когнитивные процессы происходят без его участия. С точки зрения Деннета, вопрос не имеет смысла, так как сознание представляет собой согласованную деятельность всех когнитивных процессов, их результат в реальном времени, а не нечто вне и помимо самих процессов.

Возражения Деннета тесно связаны с его теорией сознания. Поскольку предлагаемая Деннетом теория сознания не является общепринятой, более того, у многих авторов в области философии сознания эта теория вызывает самую непримиримую критику, в области дебатов о свободе воли далеко не для всех философов аргументы Деннета могут служить решающим опровержением интерпретации эксперимента Либета [Секацкая 2012; Юлина 2007].

Одной из ранних реакций на работу Либета со стороны философов стала статья А. Миле «Сила мотивации и осуществление контроля» [Mele 1997]. Миле полагает, что агент формирует интенцию на основании имеющихся желаний. При этом интенция может непосредственно предшествовать действию (такие интенции он называет «проксимальными»), но может быть направлена в будущее, когда агент решает, к примеру, подстричь траву на лужайке перед домом в следующую пятницу. Между желанием и интенцией нет непосредственной каузальной связи: поскольку у агента обычно имеются различные желания, в том числе противоречивые, он может свободно выбирать, какое из желаний будет завершено формированием интенции, а какое – нет. Также формирование интенции не является необратимым – агент может передумать. Эта теория вполне совместима с данными Либета, которые Миле интерпретирует как демонстрирующие бессознательное возникновение «желания» или «порыва» действовать, которое затем, во временной промежуток от 90 мс до 10 мс до момента М, приводит либо к формированию проксимальной интенции совершить движение, завершающейся движением, либо к формированию интенции воздержаться от совершения движения, то есть к осуществлению вето.

В статье «Возвращение воления. Альтернативная интерпретация эксперимента Либета» Ж. Жу [Zhu 2003] защищает похожие представления о роли волевых актов в осуществлении сознательных действий. Жу пишет, что волевые акты занимают промежуточное положение между такими ментальными состояниями, как убеждения, желания, планы и т.д., с одной стороны, и действиями, с другой стороны. Для того чтобы перейти от некой цели как ментальной репрезентации к действию, направленному на достижение этой цели, агент должен осознанно осуществить отдельный акт воления. При этом агент активно проявляет свою свободу воли, осуществляя либо не осуществляя данный волевой акт. Эксперимент Либета на первый взгляд демонстрирует ложность этой схемы, поскольку нейрональный процесс, соответствующий волению, начинается бессознательно и не может, следовательно, быть актом воления, осознанно осуществляемым агентом. Однако Жу, следуя предположению Миле о том, что нейрональные события, фиксируемые Либетом при помощи приборов, представляют собой не воления, но всего лишь мимолетные желания и порывы, которые агент может реализовать, а может и не реализовать, предполагает, что RP, генерируемые премоторной корой, суть нейронные корреляты осознанных волений, которые агент формирует как реакцию на бессознательные порывы, в соответствии с экспериментальной парадигмой [Ibid., 72].

В недавно опубликованной книге «Свободные. Почему наука не опровергла свободу воли» [Mele 2014] Миле развивает и дополняет свои более ранние возражения. Первое возражение: из данных Либета не следует, что решение принимается в тот момент, когда ЭЭГ показывает начало потенциала готовности. В экспериментах Либета

электроэнцефалограф записывал несколько секунд активности мозга испытуемых, предшествующих фактическому осуществлению действия. Не исключено, что такая же активность могла происходить и без осуществления испытуемыми какого-либо действия. В таком случае, данная мозговая активность может быть лишь подготовительным этапом к принятию решения, а само решение, возможно, осуществляется позже – и совпадает со временем *W*.

Второе возражение представляет собой сомнение относительно возможности обобщения весьма специфических условий эксперимента Либета и применения их ко всем преднамеренным, интенциональным действиям. Миле пишет о собственном опыте участия в качестве испытуемого в таком эксперименте: «Вначале я ждал, когда же у меня возникнут сознательные интенции сжать кулак, чтобы мне было о чем сообщить, когда наступит время сообщить об *осознании* намерения. Я ждал, пока не убедился, что такие интенции не собираются возникнуть сами по себе. Я задумался, что делать, и придумал такую стратегию. Я решил, что буду просто беззвучно говорить себе ‘сейчас’, сжимать кулак в ответ на это беззвучно произнесенное слово, и потом, немного позже, пытаться сообщить, в каком месте находилась стрелка на циферблате Либета в тот момент, когда я сказал ‘сейчас’. (В том эксперименте, в котором я принимал участие, на циферблате была вращающаяся стрелка, а не точка.) Если бы вы спросили меня, почему я сказал “сейчас” именно в тот момент, в который я сказал это, я вынужден был бы ответить, что я не знаю. Почему так? В эксперименте Либета нет никакого специального мотива выбрать тот, а не другой момент времени» [Mele 2014, 13–14]. Либет обобщает результаты своего эксперимента на все решения, которые мы принимаем, но в большинстве случаев, когда мы принимаем то или иное решение, мы осознаем мотивы, исходя из которых мы решаем поступить именно так, а не иначе. В таком случае, мы осознаем мотивы до того, как начинаем то или иное движение.

Третий аргумент представляет собой критику предполагаемой Либетом возможности «вето». В соответствии с идеей Либета, мы можем наложить вето на интенцию, как только мы ее осознаем. Миле пишет, что Либет протестировал эту гипотезу следующим образом: он просил испытуемых подготовиться сжать кулак в определенное время (определяемое положением точки на циферблате), но не сжимать кулак. Данные Либета представляют собой обобщение данных ЭЭГ множества испытаний, проведенных на нескольких испытуемых – начало записи каждой ЭЭГ фиксируется таким образом, чтобы предшествовать этому заранее определенному времени. В этих записях начальная электромагнитная активность мозга выглядит так же, как в случаях, когда испытуемый действительно совершает действие в назначенное экспериментатором время: приблизительно за секунду до назначенного времени действия возникает потенциал готовности, но за 150–250 мс до действия он исчезает. Либет интерпретирует эти данные как свидетельство о том, что испытуемые накладывают сознательное вето на осуществление действия. Миле указывает, что более правдоподобна альтернативная интерпретация: испытуемые и не собирались совершать данное действие! Им ведь заранее дали инструкцию о том, что нужно готовиться сжать кулак, но сжимать его на самом деле не следует. Миле делает вывод, что и в эксперименте Либета не происходит ни бессознательной подготовки к сжатию, ни сознательного вето – и тот, и другой процесс представляют собой вполне сознательное следование инструкции. Данные Либета демонстрируют не бессознательный процесс принятия решения, за которым либо следует, либо не следует вето, а процесс подготовки к осуществлению либо неосуществлению действия, предшествующий проксимальной интенции, за которой следует осуществление этого действия.

Вероятно, именно механизм вето, который, по задумке Либета, должен был предотвращать возможность для сохранения сознательного контроля агента над своими действиями, вызвал наиболее критическую реакцию. Российский философ В.В. Васильев так охарактеризовал проблематичность гипотезы о сознательном вето: «Либет считал, что «сознательная воля могла бы блокировать или налагать “вето” на процессы, происходящие из бессознательной активности мозга, и что в этом и проявляется свобода

воли» [Libet 2004, 138, 140–156]. Естественное возражение, состоящее в том, что само это сознательное veto должно предваряться какими-то бессознательными процессами в мозге, он отвергал [Ibid., 145–147], говоря, что в данном случае этого может и не быть. Его аргументы в пользу такого утверждения, однако, создают впечатление, что он защищает это положение, исходя, скорее, из своих общих либертарианских убеждений. Последние, между тем, едва ли согласуются с духом его экспериментальных изысканий и выводов» [Васильев 2017, 139–140].

Критика Васильевым слабости философских аргументов Либета представляется мне вполне обоснованной. Во-первых, Либет отвергает интерпретацию свободы воли, не приводя ни концептуальных, ни эмпирических аргументов против этой позиции. Во-вторых, Либет признает, что его собственные эксперименты демонстрируют, что мы можем осознать какой-то когнитивный процесс, будь то ощущение, восприятие или интенция, только после предшествующего периода бессознательной нейрональной активности, длящейся порядка 500 мс. В связи с этим возникает следующая проблема: «Мы должны рассмотреть возможность того, что само сознательное veto начинается с бессознательного процесса, как это имеет место в случае развития и проявления сознательного воления. Если само veto начинается и развивается бессознательно, то выбор осуществления или неосуществления veto будет бессознательным выбором, который мы потом осознаем, а не изначально осознанным каузальным событием» [Libet 2004, 145].

Как же Либет предлагает разрешить эту проблему? Он предполагает, что veto может отличаться в этом смысле от других сознательных событий и что, хотя нет никаких экспериментальных подтверждений такой возможности, нет и ее экспериментальных опровержений: «...Сознательное veto может не требовать предшествующих бессознательных процессов и не быть их результатом. Сознательное veto – это контролирующая функция, отличающаяся от простого осознания желания действовать. Ни одна психофизическая теория, включая теорию тождества, не содержит логического императива, чтобы специфическая нейрональная активность предшествовала сознательной контролирующей функции и определяла ее природу. И нет никаких экспериментальных свидетельств против возможности того, что контролирующий процесс может проявляться без специфического развития из предшествующих бессознательных процессов» [Ibid.]. Эта гипотеза, на данный момент не подтвержденная эмпирическими фактами, может рассматриваться, скорее, как манифест либертарианских философских убеждений Либета, чем как научная модель нейрональных механизмов свободы воли. В недавних экспериментах Филевич и коллеги продемонстрировали, что при применении методологии, подобной методологии Либета (анализ ЭЭГ), но введении в эксперимент дополнительных контрольных параметров, из записи ЭЭГ оказывается возможно предсказать, будет ли интенция осуществлена немедленно, то есть будет ли осуществлено действие, или она будет отложена [Filevich... 2013]. Механизм произвольного откладывания интенции оказывается экспериментально неотличим от механизма «вето», что позволяет авторам утверждать, что тот процесс, который Либет считает процессом сознательного veto, вносящего разрыв в детерминированность решения бессознательными процессами, может на самом деле быть другим, вполне детерминированным, бессознательным процессом в мозге.

Несмотря на вышеприведенную разнообразную критику, эксперименты Либета имеют большое значение как для научного, так и для философского исследования свободы воли. Значимость экспериментов Либета для когнитивной психологии и нейронауки вполне очевидна – многие последующие исследователи отталкивались от экспериментальной парадигмы Либета, совершенствуя ее и получая новые данные, в том числе благодаря применению более современных технологий [Haggard... 1999; Soon... 2008; Filevich... 2013; Fischborn 2016]. Философская значимость данных экспериментов не так очевидна, что следует из самого факта недостаточного внимания философов к ним, и нуждается в дополнительной экспликации.

Несмотря на то что конкретное решение проблемы свободы воли, предложенное Либетом, было отвергнуто как компатибилистами, так и либертарианцами, размышление

над причинами, по которым оно было отвергнуто, позволяет лучше понять как саму проблему свободы воли, так и ее соотношение со смежными проблемами. Для Деннета, который отрицает существование непроницаемой границы между сознательным и бессознательным, и наличие особого нейронального коррелята для агента, осуществляющего действия и ощущающего воздействия извне, проблема бессознательной инициации действий не возникает – но для любого философа, утверждающего, что между действиями и восприятиями, сознательными и бессознательными процессами существует разница по сути, а не по степени, утверждение о том, что все наши сознательные действия иницируются бессознательно, представляет собой проблему. Поэтому существенно, что Миле критикует эксперименты Либета с технической стороны. Миле не утверждает, что Либет исходит из противоречивых или философски необоснованных представлений о том, что такое сознание, интенция и действие, а указывает на конкретные недостатки в экспериментальной парадигме Либета и в интерпретации результатов. Эти недостатки могут быть устранены при применении более современных технологий, и, как утверждают некоторые нейрочеловеки, они были фактически устранены [Soon 2008; Filevich... 2013]. С другой стороны, приведенные возражения против механизма вето носят не только эмпирический, но и теоретический характер, что можно интерпретировать, как мне кажется, в качестве свидетельства о том, что механизм вето, предложенный Либетом и представляющий собой его собственную попытку решить ту проблему, которая возникает при применении технологий нейронауки к определению механизмов нейрональной реализации свободы воли, хотя и не может послужить решением проблемы осуществления свободы воли, демонстрирует концептуальную необходимость какого-то решения. Эксперименты Либета впервые выявили назревшую необходимость объединения экспериментальных методов нейронауки и концептуальных ресурсов традиционных философских теорий свободы воли.

Почему же не все философы, профессионально занимающиеся проблематикой свободы воли, посчитали необходимым инкорпорировать новые экспериментальные данные в свои теории о свободе воли? В статье «Исследование свободы воли в нейронауке: диагностика противоречий» М. Шлоссер пишет, что одна из основных причин, которая, по его мнению, позволяет философам считать эксперименты Либета и более поздние эксперименты, основанные на той же парадигме, нерелевантными вопросу о свободе воли, состоит в том, что Либет проводит границу между внешними и внутренними факторами не там, где ее проводят философы. В соответствии с определением Либета, свобода воли требует, чтобы совершаемый агентом выбор был полностью эндогенным: «не должно быть внешнего контроля или стимула, влияющего на осуществление волевого акта» [Libet 1999, 47]. Но это противоречит одному из важнейших принципов, утверждаемых практически всеми существующими теориями свободы воли: свободное решение воли требует рациональности, которая, в свою очередь, связана с тем, что волевой акт должен осуществляться в соответствии с мотивом (к мотивам относятся желания, ценности, рациональные соображения и т.д.). Мотив зачастую связан с чем-то внешним – мы действуем так или иначе, потому что воспринимаем влияющий на нас внешний мир, включая действия и слова других людей. Даже наши внутренние мотивы чаще всего как-то связаны с окружающей действительностью. Шлоссер приводит пример человека, который берет зонт, выходя из дома. Он может сделать это, потому что увидит струи дождя из окна или потому, что вспомнит о прогнозе погоды, который услышал с утра. По классификации Либета, один из этих факторов будет внешним (непосредственное зрительное восприятие дождевых капель), а другой – внутренним (воспоминания о прогнозе погоды), но оба в одинаковой степени оказываются рациональными мотивами для того, чтобы взять зонт, и оба связаны с тем, что происходит во внешнем мире¹. Свобода воли, которую позволяет исследовать экспериментальная парадигма Либета, это всего лишь свобода безразличия, когда у агента нет мотива для предпочтения одной из них [Schlosser 2014, 251]. Если Шлоссер прав, то этот вывод сам по себе важен для понимания различных философских подходов к проблеме свободы воли.

Любопытно, однако, что другие авторы, критиковавшие экспериментальную парадигму Либета, излагали эту проблему иначе, указывая, например, на разницу между существенными и несущественными выборами [Mele 2014, 14] или на разницу между интенциями первого и второго порядка [Разеев 2017, 724–725]. Но даже если верны аргументы Миле, Разеева и других философов, указывающих на то, что выбор в контролируемой обстановке эксперимента существенно отличается от выбора в экзистенциальной жизненной ситуации, сама эта аргументация показывает, что экспериментальная парадигма Либета вскрывает принципиальное различие между типами инициации произвольных действий – такими, которые начинаются бессознательно, могут быть зафиксированы при помощи ЭЭГ и не являются проявлениями того, что мы традиционно считаем свободными волевыми актами, и другими, критерии которых еще только предстоит однозначно установить.

Таким образом, эксперименты Либета представляют собой новый вызов для различных философских теорий свободы воли. Сама возможность эмпирически фиксировать время инициации тех или иных процессов в мозге требует серьезной концептуальной работы по прояснению того, как соотносятся сознание, интенциональность и действие на основании мотивов с тем фактом, что все эти процессы реализуются в нашем мозге – физическом объекте, допускающем изучение методами естественных наук.

Примечания

¹ О соотношении между мотивами и причинами в контексте нейронаучного подхода к изучению сознания см., напр. [Секацкая 2016]. О разнице между когнитивными механизмами и осознанными решениями воли см., напр. [Разеев 2019].

Ссылки – References in Russian

Васильев 2017 – *Васильев В.В.* В защиту классического компатибилизма: Эссе о свободе воли. М.: ЛЕНАНД, 2017.

Разеев 2017 – *Разеев Д.Н.* Проблема свободы воли в контексте исследований нейронауки // Журнал высшей нервной деятельности. 2017. Т. 6. № 67. С. 721–727.

Разеев 2019 – *Разеев Д.Н.* Свобода воли и когнитивный механизм выбора // Вестник Томского государственного университета. 2019. Т. 439. С. 110–114.

Секацкая 2012 – *Секацкая М.А.* Что мы знаем о сознании? Комментарий к полемике Д. Чалмерса и Д. Деннета // Вопросы философии. 2012. № 11. С. 147–157.

Секацкая 2016 – *Секацкая М.А.* Свобода воли и предсказуемость. Философский анализ современных исследований в нейронауке // Вопросы философии. №. 3. С. 163–169.

Юлина 2007 – *Юлина Н.С.* Философский натурализм. О книге Дэниела Деннета «Свобода эволюционирует». М.: Канон+, 2007.

References

Dennett, Daniel C. (2003) *Freedom Evolves*, Viking, New York.

Filevich, Elisa, Kühn, Simone, Haggard, Patrick (2013) 'There is no free won't: Antecedent brain activity predicts decisions to inhibit', *PLoS One* 2013, vol. 2, no. 8.

Fischborn, Marcelo (2016) 'Libet-style experiments, neuroscience, and libertarian free will', *Philosophical psychology*, vol. 4, no. 29, pp. 494–502.

Haggard, Patrick, Eimer, Martin (1999) 'On the relation between brain potentials and the awareness of voluntary movements', *Experimental brain research*, vol. 1, no. 126, pp. 128–133.

Libet, Benjamin (1985) 'Unconscious Cerebral Initiative and the Role of Conscious Will in Voluntary Action', *Behavioral and brain sciences*, no. 8, pp. 529–566.

Libet, Benjamin (1999) 'Do We Have Free Will?', *Journal of Consciousness Studies*, vol. 8–9, no. 6, pp. 47–57.

Libet, Benjamin (2004) *Mind Time: The Temporal Factor in Consciousness*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2004.

Mele, Alfred (1997) 'Strength of Motivation and Being in Control: Learning from Libet', *American Philosophical Quarterly*, vol. 3, no. 34, pp. 319–332.

Mele, Alfred (2014) *Free: Why Science Hasn't Disproved Free Will*, Oxford University Press, New York.

Razeev, Danil (2017) 'The Problem of Free Will in the Context of Neuroscience Research'. *Zh vyssh nerv deiat I P Pavlova*, vol. 6, no. 67, pp. 721–727 (in Russian).

Razeev, Danil (2019) 'Free Will and the Cognitive Mechanism of Choice', *Tomsk State University Journal*, vol. 439, pp. 110–114 (in Russian).

Schlosser, Markus (2014) 'The Neuroscientific Study of Free Will: A Diagnosis of the Controversy', *Synthese*, vol. 2, no. 191, pp. 245–262.

Sekatskaya, Maria (2012) 'What We Know about Consciousness: A Commentary on Daniel Dennett and David Chalmers polemics', *Voprosy Filosofii*, no. 11, pp. 147–157 (in Russian).

Sekatskaya, Maria (2016) 'Free Will and Predictability. A Philosophical Analysis of the Current Research in Neuroscience', *Voprosy Filosofii*, no. 3, pp. 163–169 (in Russian).

Soon, Siong, Brass, Marcel, Heinze, Hans-Jochen, Haynes, John-Dylan (2008) 'Unconscious determinants of free decisions in the human brain', *Nature Neuroscience*, vol. 5, no. 11, pp. 543–545.

Zhu, Jing (2003) 'Reclaiming volition: An alternative interpretation of Libet's experiment', *Journal of consciousness studies*, vol. 11, no. 10, pp. 61–77.

Vasilyev, Vadim V. (2017) *In Defence of classical compatibilism*, LELAND, Moscow (in Russian).

Yulina, Nina S. (2007) *Philosophical naturalism: On Daniel Dennett's «Freedom evolves»*, Kanon+, Moscow (in Russian).

Сведения об авторе

СЕКАЦКАЯ Мария Александровна –
кандидат философских наук,
старший преподаватель кафедры философии
науки и техники, Институт философии
Санкт-Петербургского государственного
университета.

Author's Information

SEKATSKAYA Maria A. –
CSc in Philosophy, senior lecturer,
Institute of Philosophy,
Saint-Petersburg State University.